

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И. Г. Чаплыгина¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.101, 330.8, 330.173.34

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-15

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ (ОБЗОР ИТОГОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)

Образ Московского университета в экономической науке с момента его учреждения и по настоящее время задает целую серию направлений для научных исследований: место университетской науки в российской и мировой экономической мысли, ее своеобразие, влияние социальных функций университета, его уставов и образовательной политики на развитие науки. В представленном обзоре конференции, прошедшей на экономической факультете МГУ 2–3 декабря 2024 г. и приуроченной к 270-летию Московского университета и 75-летию кафедры истории народного хозяйства и экономических учений, сделана попытка систематизировать взгляды участников конференции, высказанные в докладах, на историю, особенности и перспективы развития университетских экономических дисциплин. Для этого были обобщены и систематизированы взгляды выступавших на этапы эволюции университетской экономической мысли, специфику политэкономического дискурса советского периода, место московской университетской школы в мировой экономической науке. Определено своеобразие университетской экономической традиции, уходящее корнями в историю и заключающееся в выраженной междисциплинарности, системности, внимании к региональным особенностям, а также значимости прикладных исследований. Обобщены взгляды участников конференции на функции университетов, в частности как особой научной площадки, позволяющей реализовывать сложные исследования и проекты на стыке дисциплин. В связи с историческим ракурсом конференции отдельно проанализированы взгляды докладчиков конференции на исследовательский потенциал историко-экономических исследований и исторических методов анализа в экономической науке, позволяющих формировать научный плюрализм, развивать вариативность мышления, учитывать контекстуальность теорий и субъективную избирательность исследований.

Ключевые слова: Московский университет, экономическая наука в МГУ, советская политэкономия, междисциплинарность, историко-экономические дисциплины, миссия университетов.

¹ Чаплыгина Ирина Геннадьевна — к.э.н., доцент, Экономический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: igch@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3407-2462.

© Чаплыгина Ирина Геннадьевна, 2025

Цитировать статью: Чаплыгина, И. Г. (2025). Московский университет в мировой экономической науке (обзор итогов международной научной конференции). *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 297–318. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-15>.

I. G. Chaplygina

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: B14, B15, B16, B24, B26

MOSCOW UNIVERSITY IN THE WORLD ECONOMIC SCIENCE (REVIEW OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE)

Since its founding, Moscow University has set the tone for a whole bunch of research in economics, looking at the role of university science in Russian and global economic thought, its uniqueness, and the way the university's social functions, statutes, and educational policies have influenced the development of science. In this review of the conference held at the Faculty of Economics of Moscow State University on December 2–3, 2024, timed to coincide with the 270th anniversary of Moscow University and the 75th anniversary of the Department of History of Economy and Economic Thought, an attempt has been made to systematize the views of the conference participants expressed in their reports on history, characteristics, and prospects for the development of university economic disciplines. To this end, the author summarizes and systematizes the views of the speakers on the stages of evolution of university economic thought, the specifics of the political-economic discourse of the Soviet period, and the place of Moscow university school in world economic science. The paper identifies the uniqueness of the university economic tradition, rooted in history and consisting of pronounced interdisciplinarity, systematicity, attention to regional characteristics, and the importance of applied research. The views of conference participants on the functions of universities, in particular as a special scientific platform to carry out complex research and projects at the intersection of disciplines, are summarized. In connection with the historical perspective of the conference, the views of the speakers are analyzed separately.

Keywords: Lomonosov Moscow State University, economic science, Soviet political economy, interdisciplinarity, university economic tradition, university mission.

To cite this document: Chaplygina, I. G. (2025). Moscow University in the world economic science (review of the international scientific conference). *Lomonosov Economics Journal*, 60(4), 297–318. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-15>

Введение

Московский университет в ходе своей 270-летней истории заслуженно приобрел статус одного из ключевых центров развития экономической мысли России. При этом системных публикаций о вкладе именно

МГУ в экономическую науку, за исключением работы Н. К. Каратаева (Каратаев, 1956), практически не существует. Есть публикации, посвященные истории отдельных школ или кафедр экономического факультета (например, Аузан, Курдин, 2022), вкладу отдельных экономистов, связанных с Московским университетом. Есть ряд работ, посвященных особенностям русской экономической мысли в целом (Avtonomov, Nagemann (ed.), 2022; Цвайнерт, 2007; Абалкин (ред.), 2003), ее отдельным периодам или течениям. Юбилейный для МГУ год является хорошим поводом заново переосмыслить феномен именно Московского университета как генератора экономического знания, причем не только на экономическом факультете. Фокус на университетскую традицию позволяет поставить вопросы об этапах и внешних условиях развития именно университетской экономической науки, ее особенностях, ее месте в мировой экономической мысли. Помимо этого, в условиях, когда перед системой образования стоят новые вызовы, связанные с развитием цифровых и ИИ-технологий, он позволяет поднять вопрос о потенциале университетов как особых институтов, обладающих уникальной научной культурой². В частности, свойственная университетам междисциплинарность в сочетании со строгой специализацией делает их уникальной площадкой, позволяющей решать комплексные задачи, часто встающие перед экономической наукой. Помимо этого, обращение к наследию экономистов, имевших отношение к Московскому университету, очень ценно в целом, поскольку до сих пор теории многих из них не изучены достаточно и не оценены по достоинству, и даже личные судьбы некоторых из них до сих пор остаются до конца неизвестными в силу сложных исторических событий России XX в.

Все эти вопросы составили содержание международной научной конференции «Московский университет в мировой экономической науке», которая была организована кафедрой ИНХиЭУ и прошла 2–3 декабря 2024 г. на экономическом факультете МГУ. Ведущие специалисты по экономической мысли России представили 48 докладов на девяти секциях, посвященных истории университетской экономической мысли (4 секции), ее междисциплинарности (3 секции) и месту в мировой экономической науке (2 секции). Важной частью конференции стал круглый стол по историко-экономическим дисциплинам, литературный вечер, а также молодежная секция, на которой были представлены 12 студенческих докладов по теме конференции.

Пленарное заседание обозначило ключевые темы всей конференции. Во вступительном слове декан экономического факультета А. А. Аузан выдвинул тезис о том, что фундаментальность университетского экономического образования — это размах двух крыльев. Одно крыло — это ко-

² См. об этом, например: (Clark, 1953; Ортега-и-Гассет, 1930; Partha, David, 1994).

личественные методы анализа, второе — гуманитарное знание, сердцевину которого составляют исторические дисциплины. Именно история учит правильно понимать закономерности и факты, чувствовать влияние как времени, так и пространства. Поэтому одной из важных особенностей университетского образования является практика углубления в прошлое. Еще одной важной миссией историко-экономических дисциплин, по мнению А. А. Аузана, является воспитание научного и культурного плюрализма. В частности, историко-экономические учебные курсы позволяют привить студентам важную мысль, что в науке всегда существует диалог мнений, что это нормальное и продуктивное состояние любой дисциплины.

Тезис о большом исследовательском потенциале исторического метода получил свое развитие в первом докладе пленарного заседания, представленном заведующим кафедрой ИНХиЭУ проф. А. Г. Худокормовым³ и посвященном наследию проф. Ф. Я. Полянского как историка экономической мысли. В частности, было указано, что исторический подход работ Ф. Я. Полянского позволял увидеть контекст, в котором создавались используемые современной наукой категории и концепции (собственность, труд как антиблага, рынок, деньги и их функции)⁴. Принцип историзма давал возможность увидеть, что эти категории несут печать экономического уклада той эпохи, в которой они зарождались, и проследить, как их содержание менялось с развитием общества⁵. Исторический метод также позволял учитывать субъективность, избирательность внимания любого автора. В частности, Ф. Я. Полянский подчеркивал, что исторические свидетельства редко описывают обыденные события, чаще в них запечатлены редкие и потому кажущиеся автору наиболее яркими факты (например, средневековые ярмарки). Непонимание этого аспекта исследователем может приводить к искаженному восприятию истории. Внимание к контексту, изучение широкого круга источников при анализе истоков экономических концепций, по мнению А. Г. Худокормова, позволит видеть не только внутреннюю логику экономических концепций, но и аргументы, продиктованные временем, практическими целями и проблемами.

В докладе проф. Г. Б. Клейнера (ЦЭМИ РАН) также говорилось о новых подходах и возможных направлениях развития экономической науки. Подчеркнув флагманскую роль ЭФ в развитии целого ряда направлений

³ Доклад публикуется в данном выпуске журнала.

⁴ О том, что такой же исторический подход был свойствен и Н. А. Цаголову, говорилось в докладе В. А. Писемского, в частности в связи с его пониманием исторического разнобразия понятия «собственность».

⁵ Аналогичные примеры исторической изменчивости функций институтов (МВД), содержания и границ научных дисциплин (статистика, политэкономия) были приведены Ю. Н. Калашниковым.

российской науки⁶, докладчиком было предложено обратиться к созданию «системной экономической теории» (СЭТ)⁷. Актуальность этой задачи была объяснена тем, что современный тренд на углубление отдельных дисциплин все больше разрушает связи между ними, нарушая единство анализа. Развитие эмпирических методов не может заменить теорию, внимание к историческим деталям и региональным особенностям не исключает теоретической важности идеальных моделей. Многообразие подходов продуктивно, но необходимы соединительные линии между разными отраслями экономической науки.

Выделив три экономические парадигмы: 1) неоклассическую, основанную на анализе поведения экономического субъекта; 2) институциональную, изучающую социальные нормы; 3) эволюционную, раскрывающую механизм преемственности систем, проф. Г. Б. Клейнер представил СЭТ как четвертую, «системную парадигму». На основе общей теории систем, пространственного анализа эта парадигма позволит выстроить связи на макроуровне между экономической теорией, социально-экономической политикой, управленческими дисциплинами и хозяйственной практикой, а на микроуровне между стратегиями разных типов экономических агентов (собственники, управленцы, специалисты, персонал). Она так же позволит обучать студентов не только принципам экономической эффективности, но и социальной целостности, придав экономическому образованию ту самую гуманитарную ориентированность, о которой сказал А. А. Аузан в своем приветственном слове.

Доклад к.э.н. А. А. Курдина (ЭФ МГУ) был обращен к институциональным формам, обеспечивающим устойчивость и эффективность университетской науки. Перечислив ряд ярких примеров научных школ, возникших на ЭФ в ходе его истории — экономики народонаселения Д. И. Валентея; теории устойчивого развития Т. С. Хачатурова; макроструктурного анализа А. И. Анчишкина и Ю. В. Яременко; институциональной теории А. А. Аузана, В. Л. Тамбовцева и А. Е. Шаститко, — докладчик подчеркнул, что свойственное таким структурам сочетание формальных и неформаль-

⁶ В частности: 1) политическая экономия (Н. А. Цаголов, Т. С. Хачатуров, А. А. Пороховский); 2) планирование (А. И. Анчишкин, Ю. В. Яременко, В. Ф. Майер); 3) применение экономико-математических методов (В. С. Немчинов, Н. П. Федоренко, Е. З. Майминас, С. С. Шаталин, Е. Г. Гольштейн, Д. Б. Юдин, Ю. Н. Гаврилец, Б. П. Суворов, М. В. Грачев); 4) институциональная экономика (А. А. Аузан, В. Л. Тамбовцев, А. Е. Шаститко, М. Ю. Шерешева и др.). Докладчиком отдельно было подчеркнуто, что математические методы начали развивать на ЭФ еще до формирования специальных институтов (ЦЭМИ и др.). Действительно, кафедра математических методов анализа экономики была создана на ЭФ за год до создания ЦЭМИ, а ее основатель, В. С. Немчинов, еще в 1954 г. инициировал созыв Всесоюзного совещания по вопросам преподавания статистики на экономических отделениях ВУЗов.

⁷ Подробно о СЭТ см. (Клейнер, 2021).

ных связей между учеными, а также опора на репутационные механизмы формирует эффективные мотивационные сигналы и тем самым обеспечивает устойчивость и успешность университета как научного и образовательного института⁸. Выделив два типа школ — персонализированные и деперсонализированные, А. А. Курдин выдвинул тезис о том, что последние обладают большей адаптивностью. Апеллируя к работам по экономике науки (Nelson, 1959; Arrow, 1962; Partha, David, 1994 и др.), докладчик подчеркнул ключевые факторы, не позволяющие рассчитывать только на рыночные механизмы для эффективного распределения ресурсов в сфере науки, в частности между фундаментальными и прикладными исследованиями. К ним были отнесены: 1) большие внешние эффекты, особенно фундаментальных знаний; 2) повышенные риски ухудшающего отбора в связи с выраженной асимметрией информации, свойственной доверительным благам; 3) высокоспецифичный характер создаваемого человеческого капитала, требующий, согласно классической теории О. Уильямсона (Уильямсон, 1985), долгосрочных контрактов, иерархических или гибридных механизмов координации ради защиты от оппортунистического поведения как владельцев такого капитала, так и его покупателей. Система научных школ позволяет, по мнению А. А. Курдина, смягчать эти проблемы.

Особенности российской экономической науки и традиции Московского университета

Многие участники конференции подчеркивали влияние германской научной традиции на российскую экономическую науку. Проф. М. Г. Покидченко (ЭФ МГУ) напомнил, что первые профессора Московского университета выписывались из Германии, что можно объяснить как авторитетом университетов этой страны в конце XVIII в., так и схожестью экономического уклада России и Германии. Следствием такого влияния стало формирование многофакторного подхода, предполагающего учет широкого круга общественных явлений при анализе экономики⁹.

О влиянии германской традиции говорилось и в докладе проф. А. Н. Дубянского (СПбГУ). Напомнив о важной роли камерализма в формировании экономической науки Московского университета¹⁰, А. Н. Дубянский предложил обратить внимание на курсы полицейского права, читавшиеся

⁸ Идея уникальной устойчивости университетов как институтов получила отражение и в докладе к.э.н. Л. Г. Ампар (АГУ), которая обратила внимание на то, что это единственный институт, созданный в средневековой Европе, который сохранился до настоящего времени. О проблеме формальности-неформальности в науке в терминах публичность — интимность см. В. Кларка (Clark, 1953).

⁹ В развитие темы любопытна статья: (Андреев, 2000).

¹⁰ Докладчик сослался на: (Чаплыгина, 2019).

в Московском университете И. Т. Тарасовым и И. И. Янжулом, как на одну из форм зарождения российской экономической науки. Особенность этих курсов отвечала общей специфике камеральных наук и не могла не повлиять на особенности дальнейшего развития экономических дисциплин в университете. Это была наука управления, занимавшаяся не поиском объективных законов, а определением путей обеспечения государственного благосостояния. Она была направлена на прикладную цель преумножения имущества конкретного государства, а потому внимательна к национальным (институциональным) особенностям. Она опиралась на метод индукции, при этом в целом отличалась эклектичностью, т.е. не считала важной научной ценностью методологическую строгость.

Доказательством того, что идущая из веков особенность сохраняет свою актуальность, стали приведенные в докладе В. Б. Гришиной (ЭФ МГУ) данные о структуре студенческой мобильности. На долю Германии до сих пор (2015–2024 гг.) приходится наибольшее количество международных контактов факультета: 27,4% «входящей» и 25,1%¹¹ «исходящей» мобильности.

Выраженный интерес к географическому фактору был назван отличительной чертой российских курсов политической экономии в докладе проф. Г. Д. Гловели (НИУ ВШЭ, ИЭ РАН). Особенно это характерно для курсов второй половины XIX в. А. И. Бутовского, Т. Ф. Степанова, А. И. Чупрова, А. А. Исаева. По мнению докладчика, эта особенность сформировалась благодаря распространенности исторического подхода, отрицающего универсальность экономических законов и потому требующего учитывать региональную и отраслевую специфику. На основе этого был сделан вывод, что русская экономическая мысль рубежа XIX–XX вв. демонстрирует уникальный для своей эпохи геополитический взгляд на предмет. Географическое положение страны, определяющее место ее экономики в мировом хозяйстве, рассматривалось как важный фактор, формирующий структуру национального хозяйства.

Внимание к философским основам экономических процессов было названо отличительной чертой дореволюционной российской мысли в докладе к.э.н. М. С. Сушенцовой (НИУ ВШЭ). В ходе дискуссии проф. П. Н. Клюкиным (РАНХиГС, РГГУ) было высказано мнение, что связанные с этим нормативные элементы преимущественно носили не просто этический (как в западной теории), а религиозно-этический характер.

В собственном докладе, говоря об особенностях экономической мысли именно Московского университета, П. Н. Клюкин подчеркнул характерную склонность к внедрению и культивированию генетического подхода.

¹¹ За исключением последних двух лет, которые, по мнению докладчика, рано воспринимать как тренд.

Своеобразие и особая роль университетской науки были неоднократно увязаны в ходе конференции с междисциплинарной структурой университетов. Эта тема была протянута от прошлого к современности. Начиная с мнения С. Булгакова, озвученного в докладе М. С. Сушенцовой, о том, что университеты являются прообразом целостного знания (Булгаков, 1906), до уже упомянутой идеи Г. Б. Клейнера о роли университетской науки в создании СЭТ. В более прикладном и крайнее актуальном плане междисциплинарность университетов была оценена в докладах к.э.н. А. А. Шпаковой (ЭФ МГУ) и к.э.н. Д. Е. Капиноса (ЭФ МГУ), как важный фактор, формирующий особую роль университетов в продвижении инноваций. Она позволяет создавать научные площадки, где специалисты разных факультетов могли бы сотрудничать для развития коммерчески выгодных инновационных проектов¹².

В качестве факторов, влияющих на университетскую науку, были указаны и социокультурные функции университетов (А. А. Шпакова, Л. Г. Ампар), в частности, формирование имиджа страны (к.э.н. В. П. Золотарева (АТиСО), к.э.н. В. А. Зубенко (ЭФ МГУ); участие в культурной дипломатии в роли «мягкой силы» (В. А. Зубенко); обеспечение социальных лифтов (Л. Г. Ампар).

Вопросы истории экономической науки Московского университета

Московский университет воспитал целую плеяду экономистов, наследие которых, как подчеркивали многие докладчики, до сих пор недостаточно хорошо изучено, а в ряде случаев и незаслуженно забыто. Рамки статьи не позволяют отразить все богатство новых биографических деталей и новых интерпретаций научных идей экономистов прошлого, которые были представлены в докладах. Остановимся лишь на концептуальных моментах.

На конференции были предложены три периодизации экономической науки Московского университета (табл. 1).

¹² Материал доклада А. А. Шпаковой и Д. И. Чашкиной об эффективности МФК по основам предпринимательства см. (Воронова и др., 2024).

Вехи развития экономической науки в Московском университете

Этапы развития, ключевые фигуры и события по докладу А. А. Курдина	Периоды расцвета науки и ключевые фигуры по докладу П. Н. Клюкина	Этапы развития и их специфика по докладу Ю. Н. Калашнова
1750–1800 И. А. Третьяков, С. Е. Десницкий	Конец XVIII в. влияние А. Смита благодаря стажировкам И. А. Третьякова и С. Е. Десницкого в Университет Глазго	1755–1804 поиск языка, предмета и системы
1800–1850 формирование кафедры политэкономии, первые учебники		1804–1835 самоидентификация
		1835–1863 «на подступах к научному скачку»
1850–1900 А. И. Чупров, И. И. Янжул, М. И. Туган-Барановский	1860-е гг. «золотой век» И. К. Бабст, А. И. Чупров, Н. А. Каблуков, А. А. Мануйлов и др	1864–1884 расцвет русской исторической школы
1900–1917 А. А. Мануйлов, А. А. Чупров, Е. Е. Слуцкий		1884–1918 «золотой век» имперского периода
1917–1950 Н. И. Бухарин, А. А. Богданов, И. Д. Удальцов	1920-е гг. «белое пятно» в истории русской экономической мысли	1919–1931 «золотой век» советского периода
		1931–1941 «разгром и пустота»
1950–1990 советская политэкономика (Н. А. Цаголов) развитие мат. методов (В. С. Немчинов)	1960-е гг., В. С. Немчинов, А. И. Анчишкин, С. С. Шаталин, математическая школа Л. В. Канторовича, отеснившая наследие Е. Е. Слуцкого, но повлиявшая на школу В. С. Немчинова	1941–1992 марксистская политэкономика: — «патристика» (И. Д. Удальцов, К. В. Островитянов, цитирование работ К. Маркса и В. Ленина); — «схоластика» (Н. А. Цаголов, переосмысление наследия К. Маркса, создание теоретической системы) ¹³

Источник: составлено автором на основе докладов А. А. Курдина, П. Н. Клюкина и Ю. Н. Калашнова.

¹³ При выделении подэтапов советской политэкономии Ю. Н. Калашнов сослался на (Автономов, 2016).

Большинство авторов указывали на связь развития науки и образовательной политики государства. М. Г. Покидченко напомнил, что импульсом к развитию университетского образования была реформа начала XIX в., которая привела к созданию целой плеяды университетов и экономических отделений в них: камерализма в 1802 г. в Дерпте (Ф. Э. Рамбах) и в 1803 г. в Вильно (Ш. Малевский); политэкономии в 1804 г. в Москве (Х. Шлёцер) и Казани (И. Нейман) и в 1805 г. в Харькове (Л. К. Якоб)¹⁴. Ю. Н. Калашнов (ЭФ МГУ) связал этапы с изменением устава (1755, 1804, 1835, 1863, 1884 гг.), а П. Н. Клюкин указал на связь между либерализацией уставов и периодами расцвета экономической науки.

Отдельной темой стала взаимосвязь теоретического и практического вклада ученых. В докладе д.э.н. А. А. Белых (РАНХиГС) был раскрыт мало изученный аспект деятельности И. К. Бабста как успешного организатора Московского купеческого банка, фактически опередившего так называемую «доктрину Шермана» и в своих взглядах предвосхитившего закон Гласса — Стиголла. В докладе к.э.н. А. В. Ломкина (ЭФ МГУ) о судьбе выпускника Московского университета, сотрудника Министерства финансов, одного из авторов советского червонца Н. Н. Кутлера был прямо поставлен вопрос о значимости для истории дисциплины практической деятельности экономистов. Можно ли считать вкладом в развитие науки деятельность тех специалистов, кто развивает свои знания в ходе решения практических задач и оставляет свое теоретическое наследие в виде докладных записок и реализованных реформ? По мнению докладчика, прикладной характер деятельности Н. Н. Кутлера не может оправдать то забвение, которому он был предан.

Этот тезис перекликается с мнением, высказанным Д. Е. Капиносом, о том, что экономист — это социальный инженер, создающий теории для решения хозяйственных задач. Единственное отличие — разрабатываемые экономистами функции не имеют такой точности как в естественных и инженерных дисциплинах из-за сложных мотивов поведения людей.

Проблемы изучения советской политической экономии Московского университета

Наряду с детализацией вкладов отдельных советских экономистов, уточнением сути многочисленных политэкономических дискуссий в ходе конференции был поднят ряд общетеоретических вопросов. Один из них — о влиянии идеологии. Эта тема звучала и в рамках докладов по русской экономической мысли. В частности, проф. Д. Н. Платонов (ЭФ МГУ) в докладе о Б. Б. Кафенгаузе привел ряд иллюстраций влияния социально-политического заказа на развитие науки. На секциях по советской

¹⁴ Подробнее см. (Жарова, 2013).

экономике эта тема неизбежно заняла одно из важных мест. По мнению проф. О. И. Ананьина (НИУ ВШЭ) и к.э.н. Д. В. Мельника (НИУ ВШЭ) в советский период под влиянием идеологии был сформирован особый стиль, который требует дешифровки для современных читателей. Обратившись к понятию «авторитарный дискурс» М. М. Бахтина (Бахтин, 1975) и сославшись на работу А. В. Юрчака (Юрчак, 2014), авторы доклада указали на особенности советского нарратива, которые следует учитывать при анализе научного наследия этого периода: многослойность дискурса, наличие скрытых дополнительных задач, решавшихся авторами при написании текстов, особые системы сигналов и ритуалов. Доклад получил высокую оценку коллег. В частности, проф. В. С. Автономов (НИУ ВШЭ) оценил его как новую страницу в исследовании политэкономии социализма благодаря использованию современных подходов к анализу текстов.

О том, что идеология была ритуалом, за которым скрывались актуальные научные исследования, говорилось в докладе В. А. Писемского (ЭФ МГУ), посвященного Н. А. Цаголову. В нем указывалось, в частности, что проблема плановости занимала центральное место в силу не только политического заказа, но и ее очевидной актуальности для экономик второй половины XX в., в том числе рыночных. Ведь дрейф в сторону развития элементов планирования в капиталистических системах в этот период отмечали многие авторы (Шумпетер, 1942; Гэлбрейт, 1967). С точки зрения проф. Н. М. Розановой (МШЭ МГУ), специфический язык, выполнение необходимых ритуалов, свойственных советской политэкономии, были вынужденной маской, за которой скрыто богатое и недооцененное теоретическое наследие, отличающееся оригинальным методом (системный анализ, близкий современному ESG-подходу) и создававшееся с учетом достижений зарубежной науки на основе анализа реальных хозяйственных процессов.

Особенностью политэкономической школы Московского университета был назван относительный уровень научной свободы. О. И. Ананьин напомнил, что только избранным экономистам позволялось влиять на официальный дискурс, и к их числу, наравне с такими авторитетами как Н. Ф. Федоренко (ЦЭМИ), относились профессора МГУ Н. А. Цаголов и А. С. Кронрод. В. А. Писемский отметил, что сам факт бурных дискуссий, которые развернулись на факультете среди учеников Н. А. Цагорова (В. П. Шкредовым, В. Н. Черковцом), свидетельствует как об относительной свободе факультетской школы, так и о научной толерантности ее главы.

Процесс трансформации советского дискурса в период слома советской системы был отражен в докладе к.э.н. А. В. Галеева (НИУ ВШЭ). На основе публикаций журнала «Вопросы экономики» за 1985–1995 гг. было показано, что в такие периоды научное сообщество временно замолкает, пытаясь осмыслить происходящее, поэтому журналы пережи-

вают «публицистический поворот», «переход к экономическому журнализму». Проф. А. Е. Шаститко (ЭФ МГУ) предложил интерпретировать эти процессы через эффект Даннинга — Крюгера. В ходе дискуссии проф. Н. А. Макашева (НИУ ВШЭ) отметила, что первенство ушло к изданиям тех научных институтов, которые в советский период в силу своей специализации были обязаны изучать зарубежный опыт, в частности к журналу «МЭиМО», а в области «экономической журналистики» — к литературным журналам¹⁵. На этом фоне возникла интересная дискуссия о том, можно ли говорить о хорошей и плохой междисциплинарности.

Проблема самоидентификации, стоящая перед современной политической экономией, была поднята в докладе проф. А. А. Мальцева (ЭФ МГУ). Был выдвинут тезис о том, что стремление политэкономии определить свое особое место может привести к изоляционизму и негативно сказаться на творческом потенциале этого направления. Важность диалога с различными современными течениями, формирующего единство в многообразии, наоборот, может стать благоприятной базой для развития этой школы.

Междисциплинарность экономической науки

Тема междисциплинарности¹⁶ является актуальной как минимум по двум причинам: 1) экономическая наука зарождалась в недрах других дисциплин (философии, юриспруденции) и приобрела самостоятельность относительно недавно; 2) на современном этапе междисциплинарность выступает в качестве нового тренда, с которым связывают надежды на теоретические прорывы.

Став одной из сквозных тем конференции, проблема междисциплинарности объединила сразу несколько вопросов — изменчивости границ предмета экономической науки, неоднородности применяемых ею методов, взаимовлияния различных научных дисциплин, положительных и негативных сторон междисциплинарного подхода. В частности, подчеркивая в своем докладе междисциплинарный подход Ф. Я. Полянского, проф. В. В. Дроздов (ЭФ МГУ) указал на риск для ученого оказаться чужим среди специалистов каждой из дисциплин, которые он пытается сочетать¹⁷.

Взаимосвязь экономической науки со смежными дисциплинами, как она была представлена в докладах конференции, можно представить в виде диаграммы (рис. 1), где в левой части показано пересечение по предмету, а справа — заимствование методов.

¹⁵ В развитие темы см.: (Макашева, 2006).

¹⁶ В развитие темы см.: (Arena et al. (ed.), 2009).

¹⁷ Доклад публикуется в данном выпуске журнала.

Рис. 1. Элементы междисциплинарных взаимосвязей экономической науки
 Источник: составлено автором на основе докладов секций 3.1, 3.2 и 4.

В докладе к.ю.н. О. Ю. Болдырева (ЮФ МГУ) о диалоге экономической науки и юриспруденции были упомянуты слова М. И. Тугана-Барановского о том, что экономическая наука развивалась как составная часть естественного права и юридических наук (Туган-Барановский, 1907). В качестве яркого примера симбиоза двух дисциплин О. Ю. Болдырев привел «науку о финансах» в том виде, в каком она существовала в XVIII–XIX вв. Отметив, что на современном этапе из 16 кафедр юридического факультета семь прямо или косвенно занимаются хозяйственными отношениями, О. Ю. Болдырев акцентировал внимание на различиях, существующих между юридическим и экономическим подходами: разным делении на субдисциплины, разным понимании отдельных терминов¹⁸, а главное — разных целях (эффективность vs. справедливость и социальный мир), которые преследуют эти две науки. Тем не менее, по мнению докладчика, диалог продолжается, чему свидетельствует появление новых смежных теории (теория экономической конституции В. Ойкена и Ф. Бёма, конституционная экономика Дж. Бьюкенена), а также новых отраслей знания (международное экономическое право, информационное право).

Близкая тема — соотношение экономической науки и этики — была затронута в докладе к.э.н. М. С. Сушенцовой (НИУ ВШЭ). Выдвинув тезис о том, что этика предшествует и праву, и экономической теории (последняя, как известно, выросла в том числе из недр моральной философии), М. С. Сушенцова привела критические слова С. Н. Булгакова о том, что современная политэкономия относится к дисциплинам, не помнящим своего духовного родства (Булгаков, 1909). В докладе было показано, что не только теории философов прошлого и настоящего, но и современные теории общественного выбора, а также экспериментальная экономика признают важность общественно-ориентированных предпочтений

¹⁸ О. Ю. Болдырев привел в качестве примера право на вклад в банке, которое для юристов не является правом собственности. Ю. Н. Калашнов упомянул суррогатные деньги, поразному квалифицируемые юристами и экономистами.

людей, обнаруживают свидетельства того, что идеалы, убеждения, понимание нравственного долга направляют хозяйственную деятельность. Работы А. Сена, Дж. Хекмана, С. Боулза, А. Витцтума представляют собой современный этап диалога между экономикой и этикой.

Менее очевидной представляется связь экономической теории и естественно-научных дисциплин. Тем не менее один только физико-математический факультет дал таких экономистов, как В. А. Базаров, А. А. Богданов, А. А. Конюс, А. Л. Вайнштейн, что было отмечено в докладе П. Н. Клюкина. Яркой иллюстрацией того, как естественнонаучное образование может влиять на экономические воззрения ученого, стал доклад к.э.н. Е. Ю. Буриной (Университет Париж-1)¹⁹ о заимствовании В. А. Базаровым математического динамического анализа, использовавшегося в тот период в химии, для анализа процессов восстановления экономики. Он использовал учение об органическом катализе, основы которого были заложены Н. Д. Зелинским (1861–1953), профессором кафедры химии физико-математического факультета. В результате В. А. Базаров вывел дифференциальные уравнения, показывающие динамику насыщения спроса на рынках. Эти же уравнения в дальнейшем легли в основу его теории цикла 1927 г.

О взаимосвязи экономической и географической наук говорилось сразу в трех докладах: к.г.н. А. А. Агирречу (ГФ МГУ), к.г.н. В. Е. Шувалова (ГФ МГУ) и Г. Д. Гловели. Экономическая география как университетская дисциплина возникла в России в 1902 г. в Санкт-Петербурге. По мнению Г. Д. Гловели, ее формирование как идеографической части экономической науки шло под влиянием взглядов А. А. Мануилова²⁰. В докладе В. Е. Шувалова говорилось о том, что использование идеографического подхода уводит эту дисциплину в сторону географии, а номотетического — в сторону экономики. В частности, и А. А. Агирречу, и В. Е. Шувалов указывали, что отрасле-статистическая школа основоположника экономгеографии В. Э. Дена сближала эту дисциплину с экономической наукой, а победившая в конце 1920-х гг. в МГУ районная школа Н. Н. Баранского привела к тому, что экономгеография осталась в русле географических наук (табл. 2).

¹⁹ Подробнее см. (Burina, 2023).

²⁰ Как было указано в докладе, под влиянием неокантианства, а также идей П. Б. Струве, А. А. Мануилов предлагал разделять отдельные области экономической теории на идеографическую и номотетическую части (Мануилов, 1914).

**Экономическая география
как экономическая и географическая дисциплина**

	Как раздел экономической науки	Как раздел географической науки
Тип науки	Номотетическая	Идеографическая
Методы	Теоретические (абстракция) Количественные (статистика)	Эмпирические (индукция) Качественные (описание)
Российские школы	Отрасле-статистическая школа В. Э. Дена	Районная школа Н. Н. Баранского
Зарубежные школы	Идеальные модели пространственной организации (И. фон Тюнен, А. Вебер, А. Лёш)	
	Школа пространственного анализа (В. В. Буге, П. Хагге, Т. Хегерstrand)	
	Новая экономическая география (П. Кругман, М. Фудзита, Э. Веенаблс, Ж-Ф. Тисс)	

Источник: составлено автором на основе докладов А. А. Агирречу и В. Е. Шувалова.

По мнению докладчиков, на современном этапе диалог двух дисциплин продолжается, в частности новые методы экономического анализа порождают новые направления экономической географии (институциональная экономическая география Р. Бошма, К. Френкена; эволюционная география).

Вопросы географии и статистики получили развитие и в докладе к.э.н. А. Л. Дмитриева (СПбГУ, СПбГЭУ, РАНХиГС). Говоря о сложностях внедрения вероятностных методов в российскую статистику, А. Л. Дмитриев в качестве одной из причин назвал характерное для российской традиции слияние статистики с географией и политической экономией, сославшись на мнение М. В. Птухи (Птуха, 1959). Математическая статистика развивалась особняком, в параллельном мире математики (Н. Е. Зернов (1804–1862), А. Ю. Давидов (1823–1885)). Развитие стохастического направления фактически начинается с работы 1890 г. выпускника юридического факультета Московского университета В. А. Косинского (1866–1938), ученика А. И. Чупрова. Отталкиваясь от индуктивной логики Дж. С. Милля, но считая, что однозначность причинно-следственного подхода не применима к общественным явлениям в силу их многофакторности (но не субъективности), В. А. Косинский начал развивать теорию вероятности, заимствовав математические принципы у В. Я. Бунаковского.

Развитию аналитического направления в русской экономической мысли, стремившегося внедрять математические методы в экономическую теорию, был посвящен и доклад П. Н. Клюкина о научном наследии В. К. Дмитриева и Н. Н. Шапошникова. В докладе была обозначена преемственность развития этого направления от работ М. И. Тугана-Барановского через исследования В. К. Дмитриева, Н. Н. Шапошников, В. И. Борткевича, Г. А. Харазова к работам Е. Е. Слуцкого.

Особое раскрытие тема междисциплинарности получила в ходе литературного вечера, на котором, с одной стороны, раскрывались экономические аспекты художественных произведений (А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. Ф. Одоевского, А. П. Чехова, М. Волошина, А. Блока), а с другой — анализировалось литературное творчество экономистов (А. В. Чаянова, А. В. Аникина). Опыт таких исследований показал, что художественные тексты экономистов позволяют познакомиться с теми идеями, которые не могли найти отражение в научных статьях в силу отсутствия строгой обоснованности, но при этом обладали для авторов большой ценностью. Обращение же к художественной литературе позволяет историкам-экономистам оценить, как экономические идеи и экономические проблемы воспринимались современниками, не относящимися к академической среде. Это позволяет сформировать более взвешенный взгляд на исторические явления²¹.

Место в мировой экономической мысли экономистов Московского университета

Вопрос о месте российских ученых в мировой экономической мысли, несмотря на большое количество публикаций, остается дискуссионным. Так и на конференции, с одной стороны, не раз говорилось о том, что теории заимствовались, развивались под влиянием зарубежных течений, например, германской традиции (М. Г. Покидченко), в частности камерализма (А. Н. Дубянский). Подчеркивалось, что эта черта сохраняется и в советский период (Н. А. Макашева).

С другой стороны, во многих докладах приводились конкретные примеры, когда идеи российских авторов опережали свое время и предвосхищали мировые теории. Например, в докладе М. Г. Покидченко упоминалось, что В. Рошер указывал как на предшественницу исторической школы Германии на немецко-русскую историческую школу, в которую он включал немецких профессоров, преподававших в России и вернувшихся затем в Европу. А. А. Белых так же говорил об этой школе и ее важности для развития исторического направления, хотя отнес к ней, наоборот, обрусевших немцев — А. Л. Шлёцера, Е. Ф. Канкрин, А. К. Шторха

²¹ В развитие темы см. (Инграо, 2009; Уоттс, Смит, 1989).

и И. К. Бабста. Помимо этого, А. А. Белых подчеркнул, что И. К. Бабст одним из первых обосновал наличие факторов роста в экономике (Бабст, 1856) и высказал соображения, близкие по своему содержанию современной концепции «инклюзивных институтов» Д. Норта и Д. Аджемоглу.

В докладе П. Н. Клюкина подчеркивалось важное влияние В. К. Дмитриева и Н. Н. Шапошникова на формирование неорикардизма и непосредственно теорию П. Сраффа. В частности, было показано, что Н. Н. Шапошников, во многом опередив В. И. Борткевича, заложил основы таких ключевых концепций аналитического марксизма второй половины XX в., как определение нормы прибыли без цен, принцип определения заработной платы в модели общего равновесия.

Отдельный доклад был посвящен месту работ С. А. Фалькнера в мировой науке, представленный проф. Н. Неновским (Университет Пикардии). В докладе была проведена параллель между идеями С. А. Фалькнера и современной денежной теорией (ММТ) в связи с разрабатывавшейся им концепцией эмиссионного хозяйства (1919–1924 гг.)²². Его тезисы о том, что эмиссия денег является нормальной практикой для стран, находящихся в состоянии войны или революции (что отражало реальную практику советского правительства, показанную на цифрах в работе Ю. Голанда (Голанд, 2006)), что важна устойчивость темпа обесценивания денег, предвосхищают идеи ММТ. Указывалось, что проблема расчета устойчивого темпа эмиссии активно разрабатывалась в советское время (О. Шмидт (Шмидт, 1923), С. Г. Струмилин, В. А. Базаров, Е. Е. Слуцкий (Слуцкий, 1923), Н. Н. Шапошников, А. А. Конюс и др.) Также было подчеркнуто, что возникавшая в ответ критика В. В. Новожилова 1923–1924 гг., находившегося под влиянием работ Л. Мизеса, повторяет тезисы более позднего спора О. Лернера — Л. Мизеса о публичных финансах (проблема учета доходов и расходов, относительных цен, иллюзии изобилия ресурсов, приводящих к разрушению производства). В итоге был выдвинут тезис, что ММТ можно рассматривать как специфическую форму той политики, которая наблюдалась в плановом хозяйстве.

В докладе к.э.н. Е. Н. Калмычковой (ЭФ МГУ) был переосмыслен вклад М. И. Спектатора (Нахимсона), создателя кафедры мирового хозяйства на факультете советского права МГУ (1930–1931). Было показано, что теория мирового капитализма М. И. Спектатора во многом предвосхитила современные теории глобализации, несмотря на марксистский подход автора. Описав развитие капитализма с конца XIX в. как становление ТНК (сам термин не использовался), М. И. Спектатор показал, что происходит объединение производств и создание мирового рынка с единой стоимостью. Образующая в результате этой единой стоимости картельная рента может идти на развитие производства не в той стране, где она была полу-

²² Материал частично опубликован в (Nenovsky, 2024).

чена. Таким образом, М. И. Спектатор рисует модель объединенного мирового хозяйства, сохраняющего товарность, которое противостоит единой плановой системе. В докладе также было подчеркнуто, что работы М. И. Спектатора, фактически преданные забвению, представляют собой оригинальную ветвь развития марксизма.

В докладе к.э.н. О. Н. Емельяновой (ЭФ МГУ) была предпринята попытка сопоставить курсы политической экономии Н. А. Цаголова и японского марксиста Кодзо Уно (1897—1977). В частности, были выделены такие особенности, как изучение экономики в русле социальных, а не политических или идеологических проблем, признание возможности модернизировать капиталистическую систему с помощью государственной политики, признание изменчивости общественных законов. В докладе также было подчеркнуто, что японская марксистская политэкономия имеет свою собственную школу и всегда была довольно замкнута, так как не находила возможностей для диалога на мировом уровне: школа Кодзо Уно сильно расходилась в базовых представлениях с социалистическим марксизмом, а в капиталистической науке не находила единомышленников. Тезис о закрытости был скорректирован репликой к.э.н. О. Н. Борох (ИКСА РАН) о важном влиянии японского марксизма (Хадзимэ Каваками) на китайский марксизм.

Функции историко-экономических дисциплин в науке и образовании

На круглом столе, посвященном 75-летию кафедры ИНХиЭУ и завершившем работу конференции, обсуждалась роль историко-экономических дисциплин. Проф. А. В. Сидорович (Казахстанский филиал МГУ) подчеркнул, что история помогает ответить на важный для любого учебного вопрос — о месте современной науки в общем процессе ее развития. Знание истории дисциплины обеспечивает целостность и последовательность ее эволюции, позволяет избежать смешения трех несводимых друг к другу направлений — политической экономии, неоклассики и институционализма.

В докладе к.э.н. И. Г. Чаплыгиной (ЭФ МГУ) были перечислены функции, выполняемые историей экономических учений: (1) она обеспечивает прогресс науки с опорой на созданные теории; (2) демонстрирует разные подходы к анализу проблем, что формирует вариативность мышления; (3) выявляет исторический характер теорий, что способствует развитию критического мышления; (4) является ценным архивом идей, обращение к которому может помочь найти пути преодоления современных научных кризисов. Помимо этого, особую актуальность в эпоху постмодерна приобретает (5) способность этой дисциплины раскрывать исторический и идейный контекст отдельных категорий и понятий, которыми оперирует современная наука, часто не критически заимствуя их из прошлого.

Современное положение экономической истории как дисциплины было освещено в докладе к.э.н. С. И. Невского (ЭФ МГУ) на примере германских ВУЗов. Отделившись от экономической теории после «Спора о методах», экономическая история приобретает самостоятельность в Германии ко второй половине XX в. Но в 1970-е гг. классическая экономическая история начинает замещаться клиометрикой. На современном этапе идет «междисциплинаризация» предмета — экономическая история все больше преподается на неэкономических факультетах (исторический, философский и т.д.) и в слиянии с другими дисциплинами (региональными исследованиями, социологией, новейшей историей (*Zeitgeschichte*), экономической политикой, науками об окружающей среде и т.д.). По мнению докладчика, это угрожает размыванием границ дисциплины. В плане методов экономическая история сталкивается с новым вызовом — помимо количественного анализа (клиометрики), все большее распространение получает новый институциональный подход («новая экономическая история»). По мнению докладчика, под влиянием новых веяний, завораживающих своей способностью концептуализировать историю или давать количественные оценки, не стоит забывать о важности детализированного качественного исторического анализа.

Заключение

Работа конференции продемонстрировала богатство и актуальность экономического наследия ученых Московского университета, показала историческую междисциплинарность экономического знания, сохраняющуюся на современном этапе и особенно характерную для университетской науки. Были предложены новые подходы к анализу советского периода, поставлен целый ряд дискуссионных вопросов: о возможности синтеза разных направлений, о месте политэкономии в современной науке, об особенностях российской экономической традиции и, в частности, университетской школы. На конференции звучали доклады о современной практике междисциплинарного взаимодействия факультета (Д. Е. Капинос, А. А. Шапкина, Д. И. Чашкина, Е. В. Егоров) и международного сотрудничества (В. Б. Гришина, Е. Ю. Архипова, Л. Г. Ампар, А. В. Адлейба, В. А. Зубенко), в которых была отмечена успешность факультетских проектов, а также обозначены дальнейшие пути их развития.

Список литературы

- Абалкин, Л. И. (ред.) (2003). *Очерки истории российской экономической мысли*. М. Автономов, В.С. (2016). Экономическая теория в ИМЭМО: советский период. *Вопросы экономики*, 11. 117–134.

Андреев, А. Ю. (2000). «Гёттингенская душа» Московского университета (Из истории научных взаимосвязей Москвы и Гёттингена в начале XIX столетия). *Вопросы истории естествознания и техники*, 2, 71–113.

Аузан, А. А., & Курдин, А. А. (2022). Институциональный аспект эволюции научных школ. *Проблемы прогнозирования*, 5(194), 91–99. Doi: 10.47711/0868-6351-194-91-99.

Бабст, И. К. (1856/2016). О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала. *Вестник Московского университета. Серия б. Экономика*, 4, 35–60.

Бахтин, М. М. (1975). Слово в романе. (1934–1935). *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. М., 72–233.

Булгаков, С. (1906/2007). Под знаменем Университета. Вступительная лекция к курсу «Критическое исследование проблем и идеалов политической экономии. История экономических и социальных учений. М., 273–285.

Булгаков, С. (1909/1993). Народное хозяйство и религиозная личность. *Соч.: в 2 т. Т. 2*. М., 343–367.

Воронова, А. С. и др. (2024). Внешние факторы формирования предпринимательских намерений студентов МГУ имени М. В. Ломоносова за 2020–2024 гг. *Вестник Московского университета, Серия б. Экономика*, 5, 265–286. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-5-13>.

Голанд, Ю. М. (2006). *Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924*. М.

Гэлбрейт, Дж. К. (1967/2004). *Новое индустриальное общество*. М.

Жарова, Е. Ю. (2013). Университетские уставы 1803–1804 гг. *Вопросы образования*, 4, 268–290. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2011-4-268-290>.

Инграо, Б. (2009/2022). Экономика и литература. *Versus*, 2(1), 9–42.

Каратаев, Н. К. (1956). *Экономические науки в Московском университете (1755–1955)*. М.

Клейнер, Г. Б. (2021). *Системная экономика: шаги развития*. М.

Макашева, Н. А. (2006). Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х — 1990-е гг.): революция и рост научного знания. *Истоки*. М., 400–426.

Мануйлов, А. А. (1914). *Политическая экономия. Курс лекций*. М.

Ортега-и-Гассет, Х. (1930/2010). *Миссия университета*. М.

Птуха, М. В. (1959). *Очерки по истории статистики в СССР: в 2 т. Т. II*. М.

Слущкий, Е. (1923). Математические заметки к теории эмиссии. *Экономический бюллетень Конъюнктурного института*, 11–12.

Туган-Барановский, М. И. (1907). *Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма*. СПб.

Уильямсон, О. (1985/1996). *Экономические институты капитализма*. СПб.

Уотс, М., & Смит, Р. (1989/2006). Экономика в произведениях художественной литературы и драматургии. *Экономическая политика*, 2, 165–179.

Цвайнерт, Й. (2007). *История экономической мысли в России. 1805–1905*. М.

Чаплыгина, И. Г. (2019). Камерализм и экономические дисциплины в Московском университете XVIII века. *Terra Economicus*, 17(4), 8–22. Doi: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-80-94.

Шмидт, О. (1923). *Математические законы денежной эмиссии*. М.

Шумпетер, Й. (1942/1995). *Капитализм, социализм и демократия*. М.

Юрчак, А. (2014). *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.

- Arena, R., Dow, Sh., & Klaes, M. (ed.) (2009). *Open economics. Economics in relation to other disciplines*. Routledge
- Arrow, K. J. (1962). Economics Welfare and the Allocation of Resources for Invention. *The Rate and Direction on Incentive Activity: Economic and Social Factors*, National Bureau of Economic Research, Princeton University Press, Princeton.
- Avtonomov, V., & Hagemann, H. (2022). *Russian and Western Economic Thought. Mutual Influences and Transfer of Ideas*. Springer.
- Burina, E. (2023). Chemistry at the Service of Economic Modelling: Vladimir Bazarov's Approach to Formalizing Business Cycles. *Oeconomia. History, methodology, philosophy*, 13-4, 995–1027. <https://doi.org/10.4000/oeconomia.16566>.
- Clark, W. (1953). *Academic Charisma and the Origins of the Research University*. The University of Chicago Press.
- Nelson, R. R. (1959). The Simple Economics of Basic Scientific Research. *Journal of Political Economy*, 67, 297–306. <https://doi.org/10.1086/258177>.
- Nenovsky, N. (2024). Semyon Falkner and the Modern Monetary Theory: Contributions to the Russian Tradition in the Theory of Money. *AlterEconomics*, 21(1), 29–57. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-1.4>.
- Partha, D., & David, P. A. (1994). Toward a new economics of science. *Research Policy*, 23(5), 487–521. [https://doi.org/10.1016/0048-7333\(94\)01002-1](https://doi.org/10.1016/0048-7333(94)01002-1).

References

- Abalkin, L. I. (ed.) (2003). *Essays on the History of Russian Economic Thought*. M.
- Andreev, A. Y. (2000). “Göttingen soul” of Moscow University (From the history of scientific mutual relations between Moscow and Göttingen at the beginning of the 19th century). *Questions of the history of natural science and technology*, 2, 71–113.
- Auzan, A. A., & Kurdin, A. A. (2022). The institutional aspect of the evolution of scientific schools. *Forecasting problems*, 5(194), 91–99. Doi: 10.47711/0868-6351-194-91-99.
- Avtonomov, V. S. (2016). Economic Theory at IMEMO: The Soviet Period. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 117–134.
- Babst, I. K. (1856/2016). On some conditions that contribute to the increase of national capital. *Moscow University Bulletin, Series 6. Economics*, 4, 35–60.
- Bakhtin, M. M. (1975). The Word in the Novel. (1934–1935). *Questions of the literature and aesthetics. Research of different years*. M., 72–233.
- Bulgakov, S. (1906/2007). Under the Banner of the University. Introductory Lecture to the Course “Critical Study of the Problems and Ideals of Political Economy”. *History of economic and social doctrines*. M., 273–285.
- Bulgakov, S. (1909/1993). National economy and religious personality. *Works in 2 vol*.
- Chaplygina, I. G. (2019). Cameralism and economic disciplines at Moscow University in the 17th century. *Terra Economicus*, 17(4), 8–22. Doi: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-80-94.
- Galbraith, J. K. (1967/2004). *The New industrial state*. M.
- Goland, Y. M. (2006). *The discussions on economic policy during the years of monetary reform 1921–1924*. M.
- Ingrao, B. (2009/2022). Economics and Literature. *Versus*, 2(1), 9–42.
- Karataev, N. K. (1956). *Economic Sciences at Moscow University (1755–1955)*. M.
- Kleiner, G. B. (2021). *Systemic Economy: Steps of Development*. M.

- Makasheva, N. A. (2006). Economic science in Russia during the period of transformation (late 1980s — 1990s): revolution and growth of scientific knowledge. *Istoki*. M., 400–426.
- Manuilov, A. A. (1914). *Political Economy. Course of lectures*. M.
- Ortega y Gasset, J. (1930/2010). *University mission*. M.
- Ptukha, M. V. (1959). *Essays on the history of statistics in the USSR. Vol. II*. M.
- Schumpeter, J. (1942/1995). *Capitalism, socialism and democracy*. M.
- Shmidt, O. (1923). *Mathematical laws of money emission*. M.
- Slutzky, E. (1923). Mathematical notes on the theory of emission. *Economic Bulletin of the Conjunction Institute*, 11–12.
- Tugan-Baranovsky, M. I. (1907), *Essays on the Modern History of Political Economy and Socialism*. SPb.
- Voronova, A. S. et al. (2024). The external factors in the formation of entrepreneurial intentions of students of Lomonosov Moscow State University for 2020–2024. *Moscow University Bulletin, Series 6. Economics*, 5, 265–286. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-5-13>.
- Watts, M., & Smit, R. (1989/2006). Economics in Literature and Drama. *Economic Policy*, 2, 165–179.
- Williamson, O. (1985/1996). *The Economic institutions of capitalism*. SPb.
- Yurchak, A. (2014). *It was forever, until it ended. The last Soviet generation*. M.
- Zweynert, J. (2007). *The history of economic thought in Russia. 1805–1905*. M.
- Zharova, E. Y. (2013). The University Statutes of 1803–1804. *Education issues*, 4, 268–290. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2011-4-268-290>.